

ДЖЕФФРИ ЛИНДСЕЙ

ДЖЕФФРИ ЛИНДСЕЙ

ДЕКСТЕР МЕРТВ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
Л59

Серия «Декстер!»

Jeff Lindsay
DEXTER IS DEAD

Перевод с английского С. Анастасян

Компьютерный дизайн В. Воронина

*В оформлении обложки использована работа,
предоставленная фотоагентством «Vostock Photo»*

Печатается с разрешения автора и литературных агентств
Sanford J. Greenburger Assoc., Inc. и Andrew Nurnberg.

Линдсей, Джеффри.
Л59 Декстер мертв : [роман] / Джеффри Линдсей ; [пер. с
англ. С. Анастасян]. — Москва : Издательство АСТ, 2016. —
320 с. — (Декстер!).

ISBN 978-5-17-089395-9

Неужели Декстеру Моргану — прекрасному аналитику, верному мужу, добродетельному отцу и серийному убийце, который охотится лишь на других убийц, — пришел конец?! Он потерял все: работу, карьеру, жену, детей, и даже любимая сестра Дебора больше не желает иметь с ним ничего общего. Декстер — в тюрьме по обвинению во множестве убийств... Однако именно ЭТИХ убийств он не совершал.

Помочь Декстеру соглашается только брат Брайан — человек, натворивший таких дел, что сам Декстер в сравнении с ним невинный агнец... Однако Брайан требует ответной услуги.

И Декстер, которому уже нечего терять, вновь начинает танец со Смертью. Танец, который может стать для него последним...

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Jeff Lindsay, 2015
© Перевод. С. Анастасян, 2016
© Издание на русском языке AST Publishers, 2016
ISBN 978-5-17-089395-9

Глава 1

Все не должно было закончиться вот так...

Сначала как по плану: блеск стали, град выстрелов, хор стонов и мучительные вздохи сливаются с отдаленным воем сирен. Трагичная концовка с грудой трупов; тщетная попытка пойти наперекор неизбежному с шепоткой предательства. Классика жанра. А потом — смертельный удар; мгновение, исполненное муки, последний вздох о несодеянном... и занавес. Вот он, превосходный конец для жизни, полной сладостного греха.

...А что теперь?..

Декстер гниет в тюрьме; оскорбленный, оклеветанный и обвиненный в злодеяниях, которых он не совершал. *На этот раз.* Случилось тройное убийство, а Декстер чист, как первый снег, — или скорее песок на Южном пляже. Но, говоря по правде, на этом пляже ничто не чисто в полной мере — сродни тому же Декстеру, чей перечень причуд, признаться, довольно длинен. Однако, к сожалению, случившееся — не его рук дело. *На этот раз.*

...Только не так.

Не в этой смердящей и холодной комнатухе на последнем этаже следственного изолятора имени Тернера Гилфорда Найта, обители гнуснейших и отпетейших злодеев. Здесь ты бесправен. Уснул — проснулся, а Старший Брат не сводит ока.

Вот он — мир Декстера: крошечная камера с глухой железной дверью и глухими бетонными стенами; узкая щель окошка пропускает свет, но выглянуть наружу не дает; на куцем стальном каркасе скукожилось тряпичное нечто, в шутку именуемое матрасом.

Раковина, койка и сортир: вот он — мир Декстера.

И ничего больше. Никакой связи с внешним миром, одно лишь отверстие в двери, сквозь которое являются так называемые питательные обеды. Ни Интернета, ни телевидения, ни радио — ничего, что отвлекло бы от размышлений о собственных грехах.

Разумеется, я вправе попросить какого-нибудь чтива, но узнал из первых рук, что одна интересующая меня книга здесь «запрещена», а вторая «не в наличии».

Печальный, несчастный, даже жалкий. Бедолагу Декстера выбросили на стерильную государственную свалку.

Но, разумеется, чудовищам вроде меня сочувствие не полагается. Правда, теперь, когда каждое неосторожное слово влечет за собой судебную тяжбу, стоит оговориться: чудовищам *по обвинению*. А меня пока лишь только обвиняют.

Копы, судьи и прочие винтики исправительной системы, моя дорогая сестра Дебора, да и сам я, под расспросами — все назовут меня чудовищем. Но сбежал я сам, без каких бы то ни было обвинений, бросив безжизненное тело Джекки Форест, знаменитой актрисы и, по случайности, моей любовницы.

Тогда меня и обнаружили — всего в крови, у тел моей жены Риты и Знаменитого-актера-Роберта, вместе с живой, но едва одетой Эстор, моей двенадцатилетней падчерицей. Это она убила Знаменитого-актера-Роберта, который заставил ее нацепить пеньюар и убил Риту. Явился я, как всегда, вовремя: пытался свершить правосудие, но все полетело к чертям — так, что и я чуть не пал очередной жертвой Роберта.

Рассказ мой прост, понятен и неопровержим. Узнав, что Роберт — педофил и похитил Эстор, я отправился его искать, а он тем временем убил Джекки. Но, что самое смешное, Рита — беззащитная, безнадежная, беспомощная, Рита — королева рассеянной, растерянной, пространной болтовни, Рита, которая и ключей-то своих не отыщет, будь они к ней даже пришиты, — Рита нашла Эстор прежде меня.

Роберт ударил Риту по голове, отчего она скончалась на месте, — а затем взялся за меня, одновременно продумывая побег со своей «истинной любовью» Эстор. Я лежал связанный и беспомощный, когда Эстор всадила в него нож; потом она меня освободила и положила конец этому глупому, сумасбродному приключению Дурачины Декстера, представителю редкого вида недоумков.

Если Бог и существует (что по меньшей мере спорно), то у него скверное чувство юмора. Потому как распутывать эту резню поручили детективу Андерсону — человеку, который за всю свою жизнь так и не подружился ни с умом, ни со смекалкой, ни с профессионализмом. И то ли оттого, что сам я щедро наделен всеми тремя, то ли оттого, что имел связь с мисс Форест, о которой Андерсон так пылко мечтал, — он меня ненавидит. Не переносит, не переваривает, презирает и проклиняет самый воздух, которым я дышу. Именно поэтому простой и понятный рассказ быстро стал моим алиби, что само по себе уже плохо. Столь же стремительно я превратился из свидетеля в подозреваемого. А после — детектив Андерсон мельком глянул на место преступления, пришел к простому выводу (выводов иного рода он не делает) и молвил: «Так-так, это дело рук Декстера. Да свершится правосудие!» Ну или что-то в этом духе; вероятно, попроще и не столь красиво — но так или иначе сказанное превратило меня из подозреваемого в преступника.

Меня, пораженного смертью Джекки — моего билета в новую, лучшую жизнь, смертью Риты со всеми ее чудесными рецептами и видом Эстор в белом шелковом пеньюаре, меня — в самом деле пораженного крахом порядка и определенности, важнейших столпов мира Декстера, — грубо подняли на ноги, заковали в наручники, приковали к полу полицейской машины и привезли прямоком сюда, в следственный изолятор имени Тернера Гилфорда Найта.

Ни доброго слова, ни сочувственного взгляда — меня, по-прежнему в холодных стальных оковах, повели в огромное бетонное здание с колючей проволокой; а после — в комнату, похожую на приемную Цербера в аду. Комната была битком набита закоренелыми негодьями: убийцами, насильниками, разбойниками и бандитами — моими собратьями! Но я не успел присесть и душевно поболтать с друзьями-чудовищами, не успел ни с кем подружиться. Меня сразу же повели в соседнюю комнату, а там — сфотографировали, сняли отпечатки, раздели и выдали очаровательный оранжевый комбинезон. Мешковатый и по-весеннему яркий — последний писк моды! Правда, запашок у него был не самый радушный — что-то среднее между инсектицидом и китайскими лимонными конфетами из старой штукатурки.

Но ни цвет, ни запах выбрать не приходилось, а потому я с гордостью надел то, что дали. В конце концов, оранжевый — один из двух цветов моей альма-матер — Университета Майами.

А потом меня, все так же увешенного цепями, привели сюда, в мой новый дом на девятом этаже, где и заперли без лишних слов.

Здесь я и сижу, в «СИИТГН». В колонии, в тюрьме, за решеткой. Это лишь крохотная шестеренка в огромном исправительном колесе, которое, в свою очередь, — лишь малая часть гигантской и глубоко прогнившей машины под названием Правосудие.

Декстера исправляют. Интересно, что же именно они пытаются исправить? Я такой, какой есть — неисправимый, необратимый, неумолимый, — как и большинство моих товарищей-головорезов на девятом.

Мы чудовища, с рождения клейменные запретными желаниями, исправлять которые столь же бесполезно, что и необходимость дышать. Птичка должна петь, рыбка — плавать, а Декстер — разделяться с гадкими гнусными хищниками. Как бы неправильно это ни было, так оно и есть.

Но теперь я попал в исправительную систему и подчинился ее прихотям и требованиям. Я стал неисправимой ошибкой, которая ждет, когда заполнят и заверят все необходимые бумаги, как бы ни было долго, — и ее, эту ошибку, наконец исправят. Между прочим, времени и в самом деле прошло немало. Где-то на задворках моего зачахшего сознания вертится неясный отрывок из поправки к Конституции, в котором упоминается что-то о безотлагательном судебном рассмотрении дела... А мне еще даже не выдвинули обвинений.

Такое ведь обычно не случается?

Но спросить об этом некого: рядом одни только надзиратели — не слишком общительный народ, а познакомиться ни с кем другим я не могу. Так я попал в нелепое положение: приходится довериться системе — которой, как мне хорошо известно, доверять нельзя.

И что теперь? Я жду.

По крайней мере жизнь здесь проста и постоянна. В четыре утра меня будит бодрый звон. Вскоре после этого прямоугольное окошко в двери камеры, по обыкновению крепко запертое, неохотно открывается, и на торчащем под ним железном «язычке» появляется поднос с завтраком. О, восхитительные яства! Тюремные хлопья, тосты, кофе и сок. Почти съедобные и чуть ли не сытные! С ума сойти.

Обед подается так же, в десять тридцать. Он еще изысканнее и разнообразнее: сэндвич со странным сырообразным веществом, аккуратно припрятанным под мягким и ворсистым кусочком пластмассового салата «айсберг», а рядом на подносе — стакан лимонада, яблоко и печенье.

Днем, под бдительным взглядом моего пастуха Лазло, мне разрешено час упражняться в пустом дворе. Двором его, правда, серьезно не назовешь: ни деревьев, ни травы, ни стульев, ни турников. Один только клиновидный бетонный пол, единственное преимущество которого — небо над головой и баскетбольное кольцо без сетки. Как полагается, в это время года часто идут дожди, а потому и крошечное преимущество назвать таковым можно лишь отчасти. Вдобавок выяснилось, что выходить во двор меньше чем на час запрещено. Так я учусь наслаждаться дождем и, мокрый до нитки, возвращаюсь в камеру.

Ужин в пять часов. В десять гаснет свет. Простая жизнь со скромными удобствами. Пока я не извлек из одиночества тех благ, что завещал нам Торо*, но, возможно, это придет со временем. А уж чего-чего, но времени у меня предостаточно.

Десять дней в тюрьме. Я жду. Человека чуткого это бесконечное, гнетущее ничегонеделание парализовало бы, сломило душевно. Но, разумеется, у Декстера души нет (если такая материя вообще существует). А потому я нашел, чем занять свое время. Я считаю бетонные бруски в стене. Приглаживаю щетинки зубной щетки. Играю в невидимые шахматы, а когда забываю расположение фигур, переключаюсь на шашки; потом на те-хасский холдем. И всегда выигрываю.

Шагами меряю камеру. Она столь велика, что составляет почти два полных шага. Когда надоедает, я отжи-

* Генри Дэвид Торо (1817—1862) — американский писатель, мыслитель, общественный деятель. — *Здесь и далее примеч. пер.*

маюсь; занимаюсь тайчи* — но кулаки едва ли не при каждом движении натываются на стену.

И я жду.

Я где-то читал, что главная опасность одиночного заключения — поддаться гнетущей трясине бытия и потонуть в безмятежном забвении безумства. Но я знаю: сделай я это — и никогда не выберусь наружу, никогда не вернусь к своей счастливой дневной жизни офисного раба и еще более счастливой ночной жизни темного рыцаря.

Нужно вцепиться, держаться изо всех сил за остатки здравого смысла в этой земной юдоли, вцепиться насмерть в пустую нелепую веру — веру в то, что невиновность имеет значение, — ведь я в самом деле невиновен... Говоря формально. По крайней мере в этот раз.

Богатый опыт общения со старой шлюхой по имени Справедливость подсказывает, что тут моя невиновность играет такую же роль, как и стартовый состав «Марлинс»**. Но я все равно не теряю надежды, ведь остальное немислимо. Разве мог бы я стерпеть хотя бы час здешней жизни, если бы не верил, что ей придет конец и что меня освободят? Даже бесконечные сырообразные сэндвичи тут не утешат. Я должен верить, слепо, безрассудно, даже глупо, что однажды правда всплывет, справедливость восторжествует и Декстер, смеясь, выбежит при свете дня на волю. А потом, ухмыляясь в лунном свете, скользнет сквозь одеяло тьмы с ножом в руке и жаждой в сердце...

Дрожь по телу. Не стоит забегать вперед. Таких фантазий, мыслей о свободе нужно избегать: они отвлекают меня от настоящего, от главной моей цели. Здесь, в этой уютной крошечной камере, я должен присутствовать не только телом, но и духом; я должен найти выход.

* Китайское боевое искусство, один из видов ушу.

** «Майами Марлинс» — американский бейсбольный клуб из г. Майами.

И вновь я мысленно листаю свою бухгалтерскую книгу, складываю размытые и неясные цифры. Что хорошо, так это то, что я действительно невиновен. Не замешан. Даже косвенно. Не виноват.

Что плохо, так это то, что все указывает на меня.

И хуже, что полиции Майами нужен как раз такой преступник, как ваш покорный слуга. Ведь она официально пообещала защитить двух наших знаменитых актеров и еще более официально потерпела поражение. А если убийцей окажется кто-то из своих (и снова ваш слуга) — то тут полиция не виновата. И ради такого расклада главный детектив на деле может слегка «погнуть» факты.

В довесок ко всему этот главный детектив — Андерсон. Он не просто «погнет» факты, но и искорежит их, придаст им такую форму, какую захочет, и на блюде представит под присягой. Что он, собственно, и сделал; а стадо журналистов с модными прическами проглотило его рассказ по одной простой причине: он примитивен — так же примитивен, как они сами; а они (о ужас!), вероятно, даже примитивнее самого Андерсона. Журналисты жадно ухватились за мою вину обеими руками: по словам Лазло, фото Декстера Арестованного уже больше недели украшает первые полосы газет и мелькает в вечерних новостях. На фотографии я увешан цепями, голова опущена, на лице застыла маска каменного безразличия; признаюсь честно, вид у меня там и в самом деле виноватый. Всем известно, что нравоучительные банальности врут: внешность не обманчива — но только не в наш век ярлыков, когда достаточно одного терпкого слова, чтобы убедить толпу. Я виновен, потому что кажусь виновным. И кажусь виновным, потому что так угодно детективу Андерсону.

Андерсон желает мне смерти — настолько сильно, что с радостью солжет под присягой, лишь бы ускорить процесс. Но даже если бы не его ко мне отвращение,

он все равно поступил бы точно так же, поскольку ненавидит свою коллегу — мою сестру, сержанта Дебору, — вполне заслуженно считая ее соперницей, которая однажды его переплюнет. А если брата Деборы — *s'est moi!** — посадят за убийство, то она почти наверняка слетит с карьерных рельсов и уступит дорогу ему, Андерсону.

Я взвесил свои шансы. С одной стороны — Андерсон, вся полиция, СМИ и, чего уж там, наверно, сам папа римский.

С другой стороны — моя невиновность.

Не самый радужный исход.

Но это, разумеется, еще не все, ведь конец не может быть таков. Непреложные законы равновесия, справедливости и даже физики твердят о том, что на любое действие найдется противодействие. Что-то, где-то... Разве не должна возникнуть неведомая ранее решительная сила и поставить все на свои места? Где-то, что-то... Разве нет?..

Да.

Есть сила, неведомая злу и безразличию, которые мучительно и медленно меня уничтожают; сила им равная, что набирает мощь, чтобы могучим и решительным ударом правды вернуть все на круги своя — вызволить Декстера.

Дебора. Моя сестра.

Она придет, спасет меня. Она должна.

Признаюсь, меня греет одна лишь эта мысль. Дебора — моя полузабытая надежда, слабый лучик солнца, озаряющий темную и мрачную ночь Декстерового заключения. Дебора придет. Она поможет мне — единственному своему оставшемуся родственнику, последнему из Морганов. И вместе мы докажем мою невиновность, освободим меня из этой душегубки.

* Это я! (Фр.)

Она ворвется, как апрельский ветер, — и распахнутся двери. Дебора придет, вызволит Декстера из заточения... Если не принимать всерьез ее последние ко мне слова. Слова холодные, кто-то даже решит, что прощальные. Но то было брошено в сердцах, и не стоит принимать их за чистую монету. Важно помнить о крепких и нерушимых семейных узах, которые связывают нас неизменно. Дебора придет.

Не нужно беспокоиться о том, что она до сих пор не пришла и даже не попыталась со мной связаться. Почти уверен, что это тактический ход: видимое безразличие усыпит бдительность наших врагов — и в нужный час она придет, я должен в это верить. Разумеется, придет, ведь она моя сестра. Из этого следует, что я ей брат, а для семьи пойдешь и не на такое. Окажись она на моем месте, я бы охотно так и поступил, а потому уверен: поступит и она. Ни капли сомнения, я знаю точно: Дебора придет.

В конце концов. Рано или поздно. Вот только где она?..

Шел день за днем, неделя за неделей (минула вторая), а Дебора так и не появилась. Не позвонила и не написала. Никакого тебе тайного послания маслом по хлебу сэндвича. Ничего. А я все тут, в своей сверххраняемой камере, в своем уединенном королевстве. Читаю, думаю и упражняюсь. И более всего я упражняю вполне оправданную горечь. Где же Дебора? Где Справедливость? Обе они так же обманчивы, как и честный человек Диогена*. Хотя, если задуматься, — кто-кто, а я меньше всего должен рассчитывать на истинную справедливость. Ведь если эта справедливость меня освободит, то совершит жестокою несправедливость,

* Диоген Синопский — древнегреческий философ, ученик и последователь Антисфена. Наиболее известна история о том, как Диоген днем с фонарем искал честного человека.

потому что позволит мне продолжать свое любимое дело. Как иронично — это и все мое нынешнее положение.

Но ироничнее всего в моем несчастье, пожалуй, то, что я — Декстер-чудовище, Декстер-изгой, Декстер-не-человек — я, сорвавшись в пропасть, столь же ничтожен в своем последнем крике, сколь и обычный человек: «Ну почему это случилось именно со мной?»

Глава 2

Дни слились воедино. Унылая рутина тянется за унылой рутиной. Попросту говоря, не случается ничего, чего не случилось вчера или позавчера и что почти наверняка не повторится завтра, и послезавтра, и после-послезавтра, и так до бесконечности... Ни посетителей, ни писем, ни звонков, ни какого-либо намека на то, что у Декстера есть другая жизнь, кроме этой — непрерывной, неизменной, невыносимой.

А все-таки я надеюсь. Не может ведь это длиться вечно, правда? Однажды что-нибудь да случится. Не останусь же я здесь, на девятом этаже «СИИТГН», точно заводная игрушка, повторяя один бессмысленный ритуал за другим. Кто-нибудь поймет, что произошло чудовищное недоразумение, и исправительная машина меня выплюнет. А может, Андерсона вдруг замучает совесть и он, прилюдно признавшись в полной своей вине, лично меня освободит?.. Ну да, конечно, скорее я пророю зубной щеткой туннель в бетоне... Но ведь что-то да случится. По меньшей мере в один прекрасный день явится Дебора.

Разумеется, она придет. Я уверенно держусь за эту мысль, которая в моем сознании уже стала непреложной истиной, столь же незыблемой, как закон всемирного тяготения. Дебора придет. Ну а пока я утешусь мыслью, что «СИИТГН» хотя бы не тюрьма. Всего лишь